

Дистанционное вдохновение

Супруга просяще заглянула в глаза. Федор Степанович Пещалкин тяжело вздохнул. Нашла все-таки... эти... с брюликами, как у Селин Дион. А дома шаром покати – то есть, ровно на одну поездку во Францию. Придется работать.

Он сел за компьютер, открыл чистый лист Ворда, задумался на мгновение, потом решительно застучал по клавиатуре: " Александр Сергеевич Пукшин. Роман".

И вновь наморщил могучий лоб отсутствием мыслей, пытаясь придумать хотя бы простенький сюжетец. Типа, он ее любил, а она любила... не его, это ясно. А кого? Или, хотя бы, что?

Быть популярным современным писателем ой как непросто! Читатель пошел на редкость привередливый, ему непременно подавай сюжет свежий, лихо закрученный, с неожиданным финалом. С издательствами проще – там книги А.С. Пукшина давно уже не рецензируют, печатают по инерции. Потому что знают – на пять романов, которые с робким недовольством и искренним плачем по загубленному автором русскому языку примут сельские библиотеки, обязательно придется один – тот самый. По нему, может быть, даже телесериал захотят снять. И переведут на несколько языков курящие и цинично матерящиеся переводчики обоих полов. Ибо – может А.С. Пукшин!

Время шло, но к написанному добавить пока было нечего. Эти, как их... с брюликами, ярко светились в глазах периодически заглядывавшей в кабинет супруги. Тогда Федор Степанович решился на решительное решение – включил Скайп и вызвал заветного абонента.

Долгое время на вызов никто не отвечал.

- Ну, чертово легкомысленное создание,- бурчал раздраженный затянувшимся ожиданием Пещалкин,- вечно где-то шарается.

Наконец экран засветился, появилось тонкое личико с испуганным взглядом.

- Ой, Федор Степанович, здрасьте,- шепотом сказала девушка, глядя куда-то в сторону.- Извините, я сейчас не могу разговаривать.

- Во-первых, не Федор Степанович, а Александр Сергеевич,- сурово оборвал ее Пещалкин.- Во-вторых, то, что я разрешил тебе работать на дому, не означает, что ты теперь можешь вообще не работать. И в-третьих, мне срочно нужно написать бестселлер. Понимаешь? Срочно! Что там у тебя мешает моему творческому процессу?

- Понимаете, Фе... Александр Сергеевич,- еле слышно ответила девушка,- давайте завтра начнем сочинять, а? Я сейчас не очень могу... нужно ребенка уложить.

Она устремила на него просящий взгляд. В лице при упоминании ребенка засветилась нежность и легкая усталость. Ясно, про любовь роман будет – понял писатель.

- Ребенок – это хорошо,- с сомнением сказал Пещалкин.- Но бестселлер – лучше. Я ждать до завтра не могу – зудит во мне творческое начало. И потом, завтра – с утра съемки на телевидении, потом мастер-класс в институте, после обеда выступление перед шестиклассниками, и весь вечер – русский шопинг, бессмысленный и беспощадный. Жене осеннее пальто не на все места налезает. Так что будем с тобой трудиться по вечерам, ничего не поделаешь. Приучай ребенка к железному распорядку. Вызвалась работать музой – изволь, дорогая Эвтерпа Зевсовна. Должна уже знать, что вдохновению пофиг, в какое время приходить.

- Ну, давайте хотя бы через час,- обреченно вздохнула муза.- Правда, сейчас не могу... капризничает Дениска. Зубки режутся. Я вам сама перезвоню.

- Ладно,- разрешил вольность Пещалкин и отключился.

- Муза твоя?- спросила супруга.

- Она. Бездельница.

- Тяжело тебе,- как бы посочувствовала жена.- Не хочет работать, что ли?

- Ребенка спать укладывает. А работа... куда она денется? Контракт кровью подписан, такие не рвутся.

При упоминании о ребенке супруга несколько погрузтелась. Ну, дорогая, ты уж определись с приоритетами в супружеском долге. Либо ребенок, либо эти... с брюликами.

Ожидание вдохновения Пещалкин провел на кухне в компании с диетическим бутербродом – ломтик

постного копченого сала на куске ноздреватого черного хлеба, покрытый листом пекинской капусты и придавленный овалом соленого огурца, и кружкой ароматного сладкого чая со щедрым добавлением коньяка.

Муза сама выбрала писателя. Результатом их содружества стало то, что считавшийся долгие годы конченным графоманом Федор Пещалкин неожиданно даже для самого себя превратился в маститого романиста А.С. Пукшина, чьи книги давно и прочно заняли места на полках магазинов, библиотек и складов макулатуры.

Однажды, правда, призналась, краснея, что занимается этим ремеслом давно, а вот так серьезно повезло впервые.

- Понимаете, Фе... Александр Сергеевич,- лепетала она, стараясь не смотреть на только что законченный роман,- до вас было много писателей. Неплохих, честное слово. Например, ваш тезка Александр Сергеевич. Или Лев Николаевич. Были странные, вроде Эдгара Аллана По или Курта Воннегута. Один Кафка чего стоил. Но таких... писателей... как вы, мне еще не встречалось.

Оценила свое счастье, муза.

Наконец, компьютер призывно замурлыкал. Муза сидела в плотно запахнутом халате, волосы собраны на затылке в клубок. За спиной виднелся холодильник.

- Это я ноутбук на кухню перенесла,- поймала муза удивленный взгляд писателя.- Чтобы Дениску ненароком не разбудить. Еле уложила.

Пещалкин подумал и решил на жалость не пробиваться. Народ ждет бестселлер.

- Где арфа?- спросил он сурово.- Давай, бренчи. А то уже спать хочется.

Муза покорно вытащила из-под стола старенькую арфу, провела тонким пальцем по струнам. Пещалкин скривился:

- Третья не строит. Что же ты свой единственный рабочий инструмент в таком состоянии держишь? Не стыдно? Крути колок. М-мэ... м-мэ-э-э... Ля. Нормально.

- Про что книга?

- Неважно. Сама придумай,- великодушно разрешил инициативу писатель.

Муза задумалась, потом взяла несколько аккордов. Вслушалась в звук, прикрыла глаза...

Полилась мелодия, нежная и слегка печальная. Настроение сразу стало такое... вроде как приходишь домой, а супруга лежит и страдает, обожженная солярием. И, вместо того, чтобы есть блины со сметаной, ты с упорством идиота втираешь эту сметану в супругу. А она – в смысле сметана, что характерно, впитывается с легким шипением.

Пальцы сами собой легли на клавиатуру и с сумасшедшей скоростью застучали по буквам. Она – девушка из простой семьи миллионеров. Работает моделью в агентстве. На улице дождь, кофе остыл (или остыло?). Она глядит через косые капли на стекле окна на улицу и замечает кота.

- Стоп! Какого еще кота?

Мокрого. Маленького серенького, практически котенка. Он притаился в тени автобусной остановки. И девушка решает забрать кота, потому что он подходит к цветку ее сумочки. И представляет, как обрадуется новому товарищу ее любимый бультерьер Фома.

Музыка немного изменилась. Так, она выходит из кафе и в дверях сталкивается с мужчиной. Это известный бизнесмен.

- Нет, такое уже было в одном из романов.

Это неизвестный бизнесмен.

- Отлично! Появилась интрига. Неизвестный – это загадка.

Они сразу влюбляются.

- Тоже верно, чего время тянуть. С первого взгляда – читатель это любит.

Они решают убежать от всех. Садятся в такси и едут на Мальдивы. Ой, а котенок?

- Какой ко... ах, котенок. Остался сидеть под дождем. В самом деле, куда они денут маленького, мокрого, грязного уличного звереныша? Кого жалко? Ладно, пусть парень возьмет это чудовище и сунет за пазуху. Кстати, это отличный ход! Так и вижу испачканную рубашку от Армани и царапины на запястье, перевязанные платком нашей героини. Читательницы от умиления зальют страницы слезами. Повезло животному.

Музыка призывала и дальше писать в том же духе, но Пещалкин решительно оторвал пальцы от клавиатуры:

- Тут давай поэнергичнее играй. Меня за что ценят, знаешь?

Муза пожала плечами, искренне не понимая – действительно, за что?

- За неожиданные повороты сюжета. Бац! Машина срывается в пропасть...

Ну, вы же не Джордж Мартин, чтобы своих героев вот так взять и сразу, на первых страницах...

- Или нападают грабители. О! Водитель оказался террористом и взял героев в заложники. Про терроризм сейчас модно. Бренчи что-нибудь тяжелое, "Дым над водой" хотя бы.

Ритм изменился, стал жестче. Да, случилось нечто из ряда вон выходящее. Дым, пламя, выстрелы. Влюбленных разлучают люди в масках. Или не люди?

- Ты мне это прекрати! Я уважаемый писатель, а не какой-нибудь фантаст!

Хорошо. Теперь сюжетных линий становится две. Это девушка в плену у арабского шейха и бизнесмен в плену у африканского вождя. И лишь чудом уцелевший котенок напоминает ему о потерянной любви.

- Де... вуш... ка... у шейха. А этот у вождя... отлично! Записал. Ты смотри – и мяукающая сволочь пригодилась. Что дальше?

- Фе... Александр Сергеевич, давайте завтра продолжим?- слабым голосом попросила муза.- Поверьте, нет сил. Не высыпаюсь с Дениской. А вы сегодня так неожиданно...

Пещалкин задумался. С одной стороны, ковать нужно, пока горячо. С другой – девчонка и впрямь выглядит не ахти. Собственно, начало есть, теперь его раздуть страниц на двести, что можно сделать и без нее.

- Давай линию шейха накидаем, и баиньки,- миролюбиво предложил писатель,- в общих чертах. Что там? Оазис, верблюды, нефть рекой, гарем на сорок персон? Играй что-нибудь восточное.

Но музыка, полившаяся из динамиков, на восточную походила мало. Муза постоянно промахивалась мимо струн, отчаянно зевала и вообще, казалось, не хотела вдохновлять. Пещалкин прочел написанное и расстроился – шейха звали Моисей Абрамович, оазис расположился на окраине Рио-де-Жанейро, а верблюды ревели четырехсотенными двигателями с турбонаддувом и откликались на клички Майбах и Калина. Черте что, и сбоку эти... с брюликами.

- Ты, дорогая моя, прекрати этот саботаж,- укоризненно сказал писатель.- Тут работы на полчаса. Сколько сейчас? Половина двенадцатого? Вот к половине третьего и закончим.

Эвтерпа охнула и выронила арфу.

- Дорогая, а давай-ка, я тебя подменю,- сказал грубый мужской голос за кадром. Ноутбук решительно повернули, и вместо бледного лица Эвтерпы Пещалкин увидел крепкого мужчину средних лет, в майке-борцовке, с могучими плечами, расписанными брутальными сценами насилия и убийств.

- Привет,- сказал мужчина тоном, каким ОМОН обычно предлагает преступникам прилечь.- В чем проблема?

- А вы, собственно, кто будете?- проблеял ошарашенный писатель.

- Я-то? Музин муж буду. Еней Дионисиевич. Да вы не волнуйтесь, я тоже вроде как муз. В определенном смысле. И в определенных кругах. Подменю Эву в лучшем виде.

Сатир – догадался Пещалкин. Копыт, конечно, отсюда не видать, но вон на лбу маленькие рожки. Точно, сатир. Он хотел было съязвить по поводу рогов и семейной жизни сатира и музы, но еще раз оценил не влезшую в монитор мускулатуру собеседника и не стал рисковать. Тем более, что муза знает его домашний адрес.

- А мальчика, стало быть, Денисом в честь дедушки назвали?- преувеличенно сладко сказал Пещалкин.- Ну, хорошо,- он махнул рукой,- общее направление знаете? Берите арфу и начинайте.

Сатир довольно лихо застучал по струнам. Мелодия выходила простенькая – умца, умца, умца-ца.

Пальцы Пещалкина забегали по клавиатуре. Сначала даже чуть быстрее музыки, потом вровень. А потом все медленнее и медленнее. И остановились совсем.

- Послушайте,- растерянно сказал Пещалкин.- Но это как бы не совсем то. Есть нечто общее, но... и вообще – это же стихи! А мы прозу пишем.

- Что не так?

- Да вы послушайте,- писатель откашлялся, и прочел написанное:

- Она была конкретной светской львицей,
А он авторитетным вором был.
И надо ж было как-то раз случиться –
Увидел он ее и полюбил!

А у нее вишневый "Мазератти"!
А у него наколок синева...
Она проводит жизнь свою на пати,
А он на фене знает все слова...

- А что? Чумовой сюжет,- сатир откинулся на стуле и скрестил на груди руки, переплетенные тугими мышцами.- Потом его зарядят на червонец, хоть прокурор просил всего пятак. А ей подсунут кокаин фуфловый, и отнесут подругу на погост...

- Извините,- вкрадчиво спросил Пещалкин,- вы, собственно, кому муз?

- Многим. Пацаны на эстраде постоянно просят помочь – говорят, что уже про тюрьмы все варианты написали. Свеженького хотят.

- Но это же шансон!

- Он самый. Не волнуйтесь – бабло само сыплется, особенно дальнобойщики стараются.

Пещалкин тяжело вздохнул:

- Да поймите, я писатель, а не певец. Пишу роман. Можно, конечно, вместо бизнесмена вставить вора, но тогда это уже детектив будет. А я в воровских законах ничего не понимаю. Так что спасибо за помощь. Зовите Эвтерпу.

Сатир нахмурился.

- Эва уже спит. Либо вы мое пишете, либо звоните завтра до десяти.

- Но в договоре...

- А вы внимательно читали этот самый договор?- приблизив лицо к камере так, что на мониторе остался один вертикальный зрачок, шепотом спросил сатир.- Там ведь не только ваши права расписаны. Еще есть обязанности, целый раздел. Про алчность, корысть, наглость и тупость. Освежите в памяти, рекомендую – будет интересно.

И отключился, подлец.

Пещалкин рассеянно перечитал то, что успел написать. Выходило, кажется, неплохо, только стихи слегка выбивались из контекста. Хотя...

- Федя, ты гений!- похвалил сам себя Пещалкин и решительно вставил стихи в сцену кафе. Пусть небритый музыкант мурлычет шансон, сидя на крошечной площадке рядом с барной стойкой. Чего такому количеству букв зря пропадать. Ведь для издательства главное не сюжет, не идея, а объем.

Снова замурлыкал Скайп. Странно, кто бы это мог быть?

- Пещалкин?- спросил абонент, не высветивший лицо на мониторе.- Небесная канцелярия. Вы до сих пор не перечислили своей музе гонорар за два последних романа. Что, хотите, чтобы они стали для вас действительно последними?

Федор Степанович замер с раскрытым ртом. Ну да, не перечислил. Не то, чтобы забыл. Как раз подвернулась мебель в гостиную, потом в Эмиратах было все включено. А потом забыл.

- Я, это... в кредит... верну, не сомневайтесь,- заверил он неведомого абонента.
- Ставлю ваше дело на контроль,- сухо сказал Скайп и отключился, не простившись.

Пешалкин вытер холодный пот. Сатир донес, век книги не писать. Из вредности и склочности характера. Небесная канцелярия... эти могут. Прощай тогда Франция, новый джип и эти... с брюликами.

- А я, вот, возьму и сам напишу роман!- крикнул с вызовом в голосе монитору писатель.- Без всяких ваших муз! Ишь, моду взяли – честно заработанное половинить. Пять процентов с книги – это ж... это ж... грабеж! Точно! Сам напишу!

Показалось или нет, что выключенный Скайп ехидно хмыкнул?

- Ну, успокойся, глупышка,- сатир сидел на кровати и нежно гладил прижавшуюся к нему музу.- Профессия наша такая. Ничего он тебе не сделает. Все будет хорошо.

- Я боюсь его,- шептала Эвтерпа,- глаза видел? Пустые, бездушные. Гомер был слепой, но и то в его бельмах было больше человеческого. А тексты! Ну почему его печатают?!

- Достоевского тоже до сих пор никто толком не понимает, за что он уважаем во всем мире,- засмеялся сатир.- Будь проще, как я. Вдохновляю на тюремную лирику, и совесть не грызет. Ты посмотри, чем твоя сестренка Клио занимается – подсела на средства массовой информации и шпарит чернуху день за днем вместо нормальной истории. Газеты читать невозможно! Терпсихора на стриптизе в ночных клубах зарабатывает. А что творит в театрах Мельпомена – вообще отвал башки. И ничего, никто из них не комплексует. Время такое. Будут еще у тебя отличные писатели, не сомневайся. Сама говорила – какой-то тринадцатилетний стишки ловко складывает.

- Да он юристом стать мечтает,- грустно ответила Эвтерпа.

- Интересно, кем станет наш Дениска?- пробормотал сатир, переводя взгляд на детскую кроватку.

- Я знаю,- улыбнулась сквозь слезы муза.- Он вырастет и отомстит за нас всем этим современным писателям. Они будут бояться одного его имени. Он будет выжигать графоманство каленым глаголом.

- И кем же он станет?

- Литературным критиком.